

АЛЕКСЕЙ СТАРУХИН

ПУЛЬС НА ГРАНИ ВОСТОРГА

РАССКАЗ

Его звали Максим. Двадцати двух лет от роду. Жил он в Санкт-Петербурге. Среднестатистический парень, с не определившейся жизненной позицией, вечно что-то ищущий. Играл на фортепиано. Воспламенялся новыми идеями в своей музыке, но быстро загораясь, так же быстро и потухал.

Занимался он много, в этом ему не откажешь. Всё мечтал в один из дней написать что-нибудь этакое — гениальное. Чтобы до слёз пробирало, до мурашек, восторгало. Весёлая музыка для него была так себе. Он считал, что в грусти, приобретая спокойствие, можно умыслить, почувствовать то, что не передать словами. Что понимается с полувздоха.

С самого детства Максима мучила боль в сердце. Родители очень волновались за него. Но все врачи, к кому они ходили, говорили, что всё хорошо, ссылаясь на данные их технических приборов: “Сердце как сердце, здоровое”.

Парень больше не давал поводов для волнения, и при следующих покалываниях старался скрыть порок от всех свидетелей. Чем ближе он приближался к 23-летию, тем сильнее и чаще начинал волновать его орган, отвечающий за искренность.

Его жизнь перевернулась после неожиданного звонка. Это звонил один из врачей той больницы, где раньше Максим делал кардиограмму:

- Здравствуйте, могу я поговорить с Максимом? — проговорил врач.
- Это я, говорите.
- Меня зовут Сергей Алексеевич, я один из врачей 66-й больницы.
- Чем могу быть полезен?

СТАРУХИН Алексей Алексеевич родился в 1988 году в г. Лепель (Беларусь). Окончил ВГУ им П. М. Машерова. Живёт в Санкт-Петербурге.

— Скорее это я вам могу быть полезен. Я просмотрел все ваши анализы, снимки, и у меня есть новости. Приходите завтра в 11 часов утра в 6-й кабинет. Не затягивайте, это в ваших же интересах, Максим.

— У меня что-то нашли? Рак?

— Да нет же, не стоит паниковать. Приходите!

Далее послышались гудки, и Максим положил трубку. Он был удивлён такой прыти врача. “Что-то действительно интересное, наверное”.

Перед сном Макс сыграл одну из симфоний (на радость соседям!) и лёг спать, вспомнив перед самым прыжком в мир сновидений, передачу про то, как у одного человека нашли в лёгких прораставшее зёрнышко.

Что же за новость у врача — единственный вопрос, который Максим задавал себе с утра. Выпив кофе и почистив зубы, пациент оделся и поехал получать ответ.

Это была одна из многих частных поликлиник города, с новейшей аппаратурой, внимательным персоналом и длинными коридорами. На проходной Максима не стали задерживать, даже не попросили надеть бахилы и халат. Указав, где находится шестой кабинет, пропустили с миром. На дверях было написано “Идёт кварцевание”. Он постучал в дверь, и за ней послышался голос: “Войдите!”

Приоткрыв дверь и заглянув внутрь, он увидел человека, сидящего в кресле к нему спиной. Тот, глядя в окно, через недолгую паузу повторил ещё раз: “Входите же! Не бойтесь!”

— А вы, надо отметить, пунктуальный молодой человек. — И с этими словами врач в белом халате подошёл к Максиму и, пожав ему руку, показал другой рукой на стул возле стола.

— Стараюсь. Воспитание, понимаете ли.

— Понимаю! Ветровку можете положить на соседний стул. Вы хотите что-нибудь выпить? — предложил человек в белом.

— Этиловый спирт подойдёт! — пошутил пациент. — Нет, не хочу.

— Ха-ха, здорово! Хорошо, тогда перейдём к тому, зачем я позвал вас, — уселся на край стола врач.

Максим смотрел на него настолько внимательно, что тот не мог долго задерживать взгляд на пациенте.

Прикрыв рот рукой и тихо прокашлявшись, Сергей Алексеевич начал своё повествование.

— Как вы знаете, Максим, сейчас век не только новых супертехнологий, медицинских достижений, музыки, но и век новых заболеваний и патологий! Я как раз последние и изучаю очень детально, уже много лет. Боль вашего сердца, как вы догадываетесь, не случайна. При этом показатели самых современных приборов говорят об идеальном здоровье вашего органа. Я объясню, в чём дело, но сначала хочу взять с вас слово, что вы не станете паниковать и примете трезвое решение, как поступить дальше. Что скажете?

— Я устал, вот что я скажу. Что бы там ни было, мне кажется, что даже смерть меня уже так не пугает.

— Вот и отлично! — И немного помедлив, врач продолжал. — Дело в том, что у вас очень редкая патология. Как известно, патология означает болезненное отклонение от нормального состояния или процесса развития. В нашем случае, — здесь врач сделал ещё паузу, посмотрев на Макса, — ваше сердце остановится после того, как вам исполнится ровно 23 года. Но при условии, если вы перестанете ходить, то есть передвигать ногами, создавая тем самым нагрузку, не опускающуюся ниже нормы. — Сергей Алексеевич очень волновался, хотя за свою карьеру о подобных вещах ему не раз приходилось говорить пациентам.

— Стойте! Я запутался! Ещё раз, я не понимаю вас! — Максим был в недоумении.

— Тише, мы ведь договорились с вами. Скажите, пожалуйста, вы знаете время вашего рождения?

— На удивление интересовался у мамы: 18 мая в 4:55 утра.

— Так вот. Эта редкая болезнь, которая у женщин возникает в возрасте ровно в 21 год, а у мужчин 23, наступит и у вас. Ровно 18 мая в 4:55

у вас остановится сердце. Но есть выход. Вы должны постоянно ходить, чтобы создавать ритм сердечных сокращений не ниже нормы. И ровно через неделю постоянной ходьбы патология пройдет.

— Постойте, но ведь мне нужно спать, выдержу я максимум двое суток, есть, ходить в уборную, наконец?

— Хорошее замечание! Насчёт сна нужно подумать, а по поводу еды и туалета — всё решаемо. Если пробежаться в течение, скажем, минуты, то у вас есть время остановиться и сделать всё, что угодно, что невозможно сделать на ходу, так как пульс будет много выше нормы после бега. Что касается сна, — врач опустил голову в пол, как будто что-то увидел там, и, подняв снова, признался, — я не знаю, что делать. 18 мая завтра. У нас, чтобы что-то придумать, остаётся меньше суток.

Макс приуныл, глубоко утонув в своих мыслях.

— И ещё: вы такой не один. — Максим как будто проснулся, посмотрел на врача. — У меня есть ещё пациент с аналогичной проблемой. Это девушка, ей исполняется двадцать один, тоже завтра, но в ноль часов пять минут, то есть чуть раньше, чем вам.

— Мне это должно быть интересно?

— Я подумал, что легче переносить боль, если тебя понимают. Смотрите сами, я даю вам её номер телефона. — И врач отдал Максиму листочек бумаги с одиннадцатью цифрами. Но тот, в свою очередь, сложил бумажку вдвое, положил на стол и, сделав резкое движение указательным пальцем, отбросил её.

— Спасибо, но я как-нибудь сам, — он встал и пошёл к выходу. У самых дверей Макс обернулся и добавил: — Если будут идеи по борьбе со сном, сообщите, пожалуйста.

— Да, конечно. Держитесь, что-нибудь придумаем. И ветровку не забудьте. — Врач подал Максиму ветровку, пожал руку и закрыл за ним дверь.

Макс спускался по лестнице, не замечая других людей, цепляя их и не извиняясь, хотя в другой раз он бы вёл себя иначе.

“Что делать?” — сейчас это был основной вопрос. Мелькание мыслей в голове, суета... Мир в глазах расплывался, как будто его рисовали водой на стекле и размазывали рукой. Пешеходы, транспорт — всё казалось ему полужидким. “Куда вы все бежите, вам вроде не по 23 года? Стойте, лучше подскажите, что делать? А... хотя куда вам? Желаю успеть! Туда”.

По привычке ноги принесли Максима домой, где он сел в любимое кресло, закрыл глаза и попытался собраться с мыслями.

“Итак, что я имею? Чуть больше 12 часов до судной секунды, когда начнётся отсчёт недели. Какой-то недели. Подумаешь!.. Бойцы спецназа могут обходиться восемь дней без сна. Да, конечно, я не сотрудник спецназа, — с сарказмом подумал он. — Нужно хотя бы попытаться выжить, что ли. Я не собирался покидать этот мир. Ведь не зря говорят, что у каждого своя миссия. Так что же это за миссия — надоедать соседям своим пианино и прозябать, не зная, чего ждать дальше!”

Через минуту Максим сидел с листком бумаги и ручкой, записывая по пунктам план спасения себя.

“Первое. Самая главная проблема — сон. Поспать бы, но не хочется. Снотворное? Но после него вдруг ещё больше станет клонить на сон. Ладно, дождусь, когда по-настоящему захочется, только не забыть поставить тысячу будильников.

Второе. Путь, где меня не потревожат и не остановят естественные преграды. Дорога? Но на ней автомобили, службы, ремонты. Поле? Ходить по кругу? Но где найти такое тихое и недалеко от города? Беговая дорожка? Ага, только денег поднакоплю. Пойду, куда глаза глядят, — твёрдо решил Максим. — И третье: рюкзак, еда, вода, деньги, документы”.

“Нужно как-то попрощаться с родными, — вдруг подумал он. — В интернете? Нет, слишком обширная аудитория. Письмо? Да, по старинке, самый верный способ”.

И Максим принялся писать кривым почерком что-то невнятное, труднообъяснимое. И в конце приписал: “Не волнуйтесь, я справлюсь”.

“Ерунда какая-то! Мама с отцом точно начнут меня разыскивать — и всё тогда”.

В следующее мгновение он смял письмо и принялся писать новое, на этот раз очень короткое: “Уехал за город на неделю. Не волнуйтесь!”

Вечером пришли родные. Максим вёл себя непринуждённо, стараясь не выдать своей озабоченности. Он не стал менять репертуар, сыграл одно из прекрасных произведений уважаемого Вольфганга. Только вот мама как будто что-то почувствовала: неожиданно взяла скрипку, что в последнее время делала очень редко, и подыграла сыну, стоя у него за спиной. Оба слились с музыкой, и только в этот момент Максим понял по-настоящему, что, возможно, это его последняя игра с мамой. Он нажимал клавиши с особой нежностью, капая на инструмент слезами.

Когда они закончили, он, не поворачиваясь, сказал маме:

— Спасибо.

Та сделала реверанс и с достоинством учителя и матери удалилась восвояси.

Макс смотрел в стену, а стена всё отдалялась. Мыслей в голове не было никаких — одна пустота... Нужен был воздух. Не выдержав напряжения, Макс так резко вскочил со стула, что тот едва не опрокинулся. Он быстро подошёл к окну, чтобы открыть его, но замер: снизу на него смотрел кто-то в чёрной одежде, скрываясь в тени дерева. В следующее мгновение человек отделился от дерева и очень быстро зашагал прочь, сторбившись и засунув руки в карманы куртки. “Что ещё за наблюдатели, — возмутился Максим, передумав открывать окно. — К чёрту, всё, хватит, пойду лучше спать”.

Сон. Будильник.

На удивление, Максим заснул практически сразу, как будто это был обычный тяжёлый день.

Наш герой идёт босиком по мокрой траве. На поле плавно вырисовываются замысловатые зигзаги прозрачной дымки — это как будто сама матушка природа дышит полной грудью. Лазурное небо начинает открывать своё пространство для лучей светила. Лесная темнота растворится с каждым мгновением и под песни птиц уходит вовсе. Мир оживает. “Как здорово, я почти летаю, ах, моё прекрасное детство”, — и он переходит на бег. Мурашки играют симфонию на его теле, радуясь, танцуя и дыша ароматом воли.

Пение птиц всё усиливалось и усиливалось. Через секунду оно превратилось в невыносимый писк. Лицо мальчика выражало отвращение к звуку. Он плотно прикрывал руками уши, но это не помогало облегчить раздражающий скрежет, а ещё эта вонь от дымки и травы. “Куда же девалась эта красота!? Детство! Ведь я мог танцевать, практически летать, а теперь могу только скрутиться калачиком и ненавидеть, не-на-ви-деть”.

Часы уже показывали 3:30. Будильники спрятали стрелки и, как будто сговорившись, забыли про свою миссию. Дыхание спящего начинало замедляться, как вдруг зазвонил телефон! Макс подскочил, упав с дивана, и потянулся к телефону. Держа его в руке, он обратил внимание, что времени ещё достаточно, чтобы собраться, а затем нажал кнопку:

— Максим, это ведь вы!? Извините, что разбудил, — и тут же врач подумал, что вряд ли это было к месту. — Я думал, позвоню на всякий случай, а то вдруг уснёте, и с концами.

— Да, спасибо. Я действительно чуть всю жизнь не проспал в буквальном смысле. Что-нибудь придумали?

— У вас есть дома беговая дорожка?

— Ха, думаете, я про это не думал? Нету!

— Тогда пока всё. Что будете делать? — поинтересовался врач.

— Пойду туда, откуда пришёл.

— Восвояси, значит, — понимая значения этого слова, прошептал Сергей Алексеевич.

— Именно, — ответил Макс.

Максим положил трубку, зная, что не обидит этим собеседника, и начал собираться. Вещи были готовы ещё с вечера, поэтому оставалось только

умыться, одеться, присесть на дорожку, включить плеер и тихо уйти из дома, оставив короткое письмо на кухонном столе.

Время 4:30, оставалось двадцать пять минут до начала отсчёта. Макс как-то читал, что время с 04:00 до 05:00 является часом смерти из-за того, что организм максимально замедляет свою работу, и сердечники во сне умирают, так как красному моторчику не хватает сил снабжать кровью весь организм.

Максим вглядывался в тёмные окна и думал, что, возможно, в одной из этих кирпичных клеток чьё-то сердце не выдержало прямо сейчас.

“Вроде всё взял. Сейчас по Марата к ТЮЗу, затем по Загородному на Московский, и в сторону Пулковского шоссе вдоль трассы — куда глаза глядят”.

— Скромный план, но что делать — сдаваться я не намерен! — размышлял он вслух.

Тёмные ночи становятся всё короче — приближаются белые их сёстры. Это, как минимум, один плюс. Может, удастся немного обмануть организм, который реагирует на темноту желанием уснуть, особенно ночью.

Некоторые люди уже куда-то выбирались из своих берлог, а кто-то вообще и не ложился, гуляя весь предыдущий вечер, затем ночь, плавно переходящую в утро.

С каждым шагом он приближался к часу своего рождения.

Сердечко начинало изменять ритмы биения, готовясь к остановке, если его носитель вздумает остановиться.

Пять минут до начала — вот-вот сердце выскочит из груди.

Аккорды Людовика Эйнауди звучат синхронно с действием внутри. Четыре минуты — оно начинает замедляться и, как бы нащупывая ритм, стучать два удара через три.

Три минуты. Максим решает отключить музыку в плеере, так как нет лучше музыки мира.

Ветерок, ласкающий молодые побеги в сквере у всегда молодого ТЮЗа, создаёт фон. Пернатые вокалисты перекликаются сладким пением. И потрескивающей песочек под ботинками — дополняющая композицию перкуссия. Макс хотел насладиться этим, может быть, в последний раз... Вдруг ходьба не поможет?

Последняя минута, сердце замедлило бег, как будто прячась за угол дома. На часах Витебского вокзала стрелка приближалась к 04:55.

Максим схватился правой рукой за грудь, наклонил голову, на лице его вырвалась боль, он чуть не упал и... перешёл на бег. Биение сердца стабилизировалось, и можно было снова просто идти.

Отсчёт начался. Ещё пару раз он попробовал проверить, правда ли ему грозит остановка во всех смыслах, но как только он начинал останавливаться, сердце жестоко карало его острой болью, заставляя идти дальше.

Если забраться на высокий дом, то можно было бы увидеть солнце. На улице становилось всё больше людей. Они начали создавать толпы. Иногда Максиму приходилось выскакивать на дорогу и обходить толпу, чтобы не замедляться. Не говоря уже о светофорах — Максиму не раз случалось перебежать дорогу на красный свет. Сигналы раздражённых водителей резали слух. Максиму оставалось лишь поднимать ладонь, как бы прося прощения.

“Главное, выйти из города — там посвободнее будет. И чтобы никто не вздумал остановить меня силой, иначе...”

А ведь врач говорил о какой-то девушке. Если она решила “драться”, то наверняка тоже где-то сейчас идёт. Но в отличие от меня, уже на протяжении более чем пяти часов. Зачем я не взял её номер? Можно было бы поддержать друг друга. Или вовсе идти вместе. Такие особенные! Где она живёт, чем занимается, как отреагировала на новость Сергея Алексеевича?!” Максим так задумался, что врезался в одного из прохожих, которого столкновение будто разбудило. Макс извинился, а прохожий даже не обратил на него внимания и как ни в чём не бывало зашагал дальше.

“И что теперь?! Неделю не выдержать, толк?! Ах, этот чёртов инстинкт самосохранения! Всё, хватит об этом! Не думать час о белых медведях”, — попытался рассмешить сам себя Максим.

“Нужно сделать что-нибудь такое, что принесло бы пользу, запомнилось мне и людям — хотя бы сегодня. Да, точно!” — и он зашёл в цветочный магазин. Подойдя к кассе, Макс перешёл на бег. Выглядело это очень забавно — взрослый человек, одетый по-походному, бежит на месте и с серьёзной миной пытается объяснить, что ему нужно. Продавцом цветов оказалась женщина лет тридцати пяти. Она выслушала просьбу Макса и рассмеялась.

— Простите, я, конечно, сделаю то, о чём вы просите, но не могли бы вы остановиться!?

— Теперь вы меня простите! Вам нужен труп в магазине?!

Женщина недоумённо посмотрела на него и молча принялась упаковывать два десятка белых роз.

— Не обижайтесь, просто мне нельзя останавливаться, понимаете?

— Как вам угодно. Всё в порядке, — ответила женщина.

И через несколько минут Максим снова оказался на Московском проспекте с огромным букетом цветов. И сразу же начал ловить на себе вопросительно-восхищённые взгляды.

Он дарил по одной розе всем девушкам, обращавшим на него внимание. Большинство радостно удивлялись, молча принимая его дар, либо просто мило улыбались и тихо роняли:

— Спасибо.

Когда была подарена последняя роза, к нему подбежала одна из тех, кому повезло получить белое чудо природы.

— Молодой человек, вы волшебник! Я серьёзно вам говорю!

— Спасибо! Я рад, что вас это тронуло, — спокойно ответил Максим.

— Куда вы так спешите, может, ко мне на чай зайдёте, я недалеко здесь живу, вон там мои окна! — показывая рукой, приглашала его в гости девушка.

— Поймите меня правильно, в другой раз, хорошо?

— Но всё же почему? — настаивала леди.

— Я запомнил, где ваши окна, дело остаётся за малым. Договорились?

— Хорошо! Но знайте, ваш чудесный подарок спас мне жизнь. — И девушка быстро пошла в другую сторону.

Максим от неожиданности чуть не остановился, но вовремя одумался и зашагал дальше. “Интересно, что же у неё в жизни такого случилось, что моё внимание помогло ей?” Но ему оставалось только строить предположения.

В следующий час Макс просто сник. Уже виднелась площадь Победы и пик с надписью внизу: “Подвигу твоему, Ленинград”.

Он соображал, что скоро выйдет из города, надо признаться, одного из лучших городов в мире, а для Максима он точно был вне всякой конкуренции. Ведь здесь он начал дышать. Впервые в жизни сделал настоящие, без чьей-либо помощи, неуклюжие, но полноценные шаги. Сказал первое слово. Правда, это случилось в парке Петергофа. В тот момент, когда он с родителями прогуливался по аллее, перед ними опустился резной, сказочной красоты листок клёна. Ничего удивительного? Но вблизи не было ни одного клёна. Это падение увидел и малыши, после чего сказал первое слово в своей жизни: “бал”.

Возможно, он имел в виду “упал”, ну, а может, листок так красиво кружился, что очень было похоже на кружение в танце мужчины и женщины, как на балу.

Петербург просто так не позовёт тебя. Если ты ему нужен, двери откроются незамедлительно. Но в то же время он и щедр своей красотой, встречами, поучениями и легендами, а когда это необходимо — он с огромной любовью выпустит тебя из своих объятий.

Подул ветерок, откуда-то со стороны Финского залива. Стало прохладно, и Макс, спасаясь от непогоды, съёжился, засунув поглубже руки в ветровку. И в ту же минуту был приятно удивлён.

— О, нет!!! Что это?!! — чуть не кричал Максим. Люди в толпе, которую он обгонял, оглядывались. — Это записка с телефоном! Как она... Врач

передавал мне ветровку! Ах, он... — здесь Макс зажал бумажку в кулак, и медленно добавил: — Мо-ло-дец...

Макс лихорадочно нашарил в кармане телефон, набрал номер и сразу же сбросил вызов. “А что я ей скажу? А впрочем, какая разница!” И Макс снова набрал номер, на этот раз решив непременно дозвониться.

Прозвучали первые гудки, и практически одновременно заиграла музыка на одном из телефонов в толпе, которую он только что обогнал.

В другой раз он бы не обратил на это внимание, но он услышал одну из своих любимых композиций.

Обернувшись, он увидел хозяйку телефона: среднего роста, с большими зелёными глазами, полными надежды. Она стала замедлять шаг, будто загниотизированная, не отрывая взгляда от Максима, но он отреагировал первым, заорав на весь Московский проспект:

— Не останавливайся!!!

Максим подбежал к ней, взял за руку и прошептал:

— Пойдём!

Они прошли метров двести, прежде чем девушка нарушила тишину.

— Ты Максим? — заранее зная ответ, спросила она.

— Он самый, а тебя-то как зовут, сестра по несчастью?

— Меня зовут Татьяна, можно просто Таня. И почему по несчастью? Посмотри вокруг: кому ещё выпало такое редкое испытание, кроме нас!?

А вокруг всё шло своим чередом: пролетал над головами самолёт, шедший на посадку в Пулково, по скверу пробегали люди в спортивной одежде, по шоссе пронеслись ряды автомобилей, несущие людей по делам.

— Да ты философ, — посмеялся Макс. — Тебя не смущает, что мы взяли за руки раньше, чем познакомились?

— Это, видимо, ты не знал моего имени, а мне твоё Сергей Алексеевич сказал, и номер телефона тоже он дал.

— И что же ты не позвонила?

— Я случайно постирала джинсы вместе с той бумажкой с номером и потом ещё долго рыдала, что упустила возможность быть понятой в последние часы моей жизни. И теперь не могу поверить, что, не сговариваясь, мы выбрали один и тот же путь, и ты позвонил мне, а теперь идёшь рядом и крепко держишь меня за руку. — На глазах у неё показались сверкающие кристаллики. Ей это даже шло, по крайней мере, сейчас.

— Что ты, Танюша, не плачь, — Максим заботливо поправил её длинные русые волосы и прижал к себе, — теперь мы вместе, всё будет хорошо.

— Кажется, я знаю тебя уже вечность! Спасибо, Максим! — И она прижалась к нему ещё сильнее. Идти так долго было не очень удобно, и они снова взяли за руки, понимая, что теперь никогда не отпустят друг друга.

Они проходили под мостами кольцевой автодороги, миновали повороты к разным торговым центрам, оставляя всё дальше и дальше позади себя волшебный Петербург. Шок встречи ещё долго не отпускал их. Они то и дело переглядывались, обмениваясь улыбками. Казалось, что и молчать неловко, но и говорить особо не хотелось. Главное было то, что они вместе.

— Максим, ты знаешь, почему это с нами происходит?

— Исследующий эту проблему Сергей Алексеевич до сих пор не может разобраться. Где уж мне-то! Хотя нужно признать, он точно вычислил время перед началом недельной ходьбы.

— Слушай, мне это кино напоминает. Может, у нас что-то общее есть, особенное, из-за чего и развивается этот недуг!?

— Может, и есть, — без особого энтузиазма отреагировал Макс, и тут же глаз его блеснули. — Но, как минимум, одна общая деталь у нас есть точно: мы выбрали один и тот же путь.

Оба рассмеялись. В эту секунду рядом с ними остановился автомобиль, в котором опустилось окно, и послышался голос:

— Ребята, вас подвезти? Садитесь!

— Мы прогуливаемся, спасибо вам! — прокричали ребята.

— Ладно, как говорится, have a nice day! — не без юмора отозвался водитель.

В следующее мгновение молодые люди задумались об одном и том же: что же делать?.. должен ведь быть какой-то выход!? Не найдя и в этот раз ответа, они снова нашли тему для беседы.

— У тебя есть сестра? — поинтересовалась Таня.

— Нет, но хотелось бы. А у тебя, я так понимаю, есть?

— Да! Она у меня такая красавица! “Мне пять годиков”, — так она говорит! И этим явно гордится. А ты бы пел своей сестре колыбельные?

— Конечно, каждый вечер пел бы!

— А давай мы споем с тобой колыбельную для моей настоящей и твоей будущей сестры? Пусть сон у них будет всегда сладок, — предложила Таня.

— С прекрасными и разноцветными сновидениями, — добавил Макс.

И в солнечном небе зазвенели их молодые голоса:

— Спят усталые игрушки, книжки спят, одеяла и подушки ждут ребят...

С начала пути прошло уже более двенадцати часов. Они проголодались и, не мешкая, достали свои запасы.

Время шло неумолимо. Усталость давала о себе знать покалыванием в ногах. Но переносить боль всегда легче, когда её есть с кем разделить.

— Какой группы у тебя кровь? — поинтересовалась девушка.

— Продолжаешь искать общее? — с иронией в голосе произнёс Макс. — Вторая положительная.

— У меня первая. Значит, не в крови причина. Какие ты вещи взял с собой, кроме тёплых, средств гигиены и прочего?

— Понял о чём ты! Из таких, чтоб со смыслом, — фотоаппарат. Учтывая моё положение и возможность, что в исследованиях нашего с тобой врача останется моё имя, а значит, об этом могут узнать массы людей, я решил сделать фотографии. Ты ведь прекрасно понимаешь, что когда человек узнаёт день прощания с жизнью, его психология, восприятие мира — всё меняется. Значит, и фотографии будут другими, — он жестикулировал свободной рукой. — Подожди, в смысле, продолжай идти, я тебя догоню! — Макс сорвался и побежал в сторону поля.

Пока он бегал по полю, Татьяна достала свои “особенные вещи” — бумагу и заточенный карандаш. Она разглядела на ходу черты лица Максима и теперь принялась наносить их на бумагу. Она уловила его утончённые брови, грустные глаза, растрёпанные волосы и милую ямочку на подбородке, появляющуюся, когда он начинал иронизировать или в шутку тосковать.

Через пару минут в руках Татьяны оказался букет полевых цветов, а в руках Максима — его собственный портрет. Оба прижали подарки к груди как самые дорогие вещи на свете. Как хочется в такую минуту остановиться, посмотреть друг другу в глаза...

Танцуют облака, пляшут бабочки, качаются деревья, словно руки на концертах, держащие зажженные зажигалки... Яркость красок обжигает зрачки, всеобъемлющая любовь настигает и тебя!

— Тань!

Девушка повела бровями вверх, как бы спрашивая: “Что?” Она обычно так делает, когда не хочет говорить.

— Спасибо тебе! Не спрашивай, за что! Просто — спасибо.

Танцы! Увидав рядом с дорогой три берёзки, ребята побежали к ним, сбросили рюкзаки и начали танцевать, прыгать и размахивать руками, радуясь радуге в голове и на сердце, как маленькие беззаботные детишки. Некоторые водители, видя эту картину, сигналили им, дополняя гармонию сумасшествия.

Натанцевавшись и накопив запас активной работы сердца, мальчики удалились направо, а девочки налево.

Наступал вечер. Чем ближе к ночи, тем больше сказывается усталость: организм, хочешь ты того или нет, начинает оберегать себя, приводя в боевую готовность все чувства, отвечающие за защитную реакцию во время опасности.

Руки ребят сжались крепче.

— Максим, о чём ты мечтаешь?

— Ты снайпер — это очень близкая мне тема.

Я ведь пианист. С самого детства мама повела меня в музыкальную школу, и с тех пор я прирос к инструменту. Я всю жизнь играю чужие, пусть и великие произведения. А своих практически нет. Моя мечта — написать такую композицию, которая трогала бы до глубины души, будила чувства людей, если хочешь, даже вызывала слёзы, — в этот момент Максим сделал несколько плавных движений пальцами левой руки. — Теперь твоя очередь, выкладывай.

— О, Максим, у тебя прекрасная мечта! Музыка, как ничто иное, способна влиять на человека. Что касается меня, то моя мечта исполняется прямо в эту минуту! Раньше мне мешало осознание того, что я буду жить долго. Думала, успею почувствовать вкус жизни. Сейчас же я с удовольствием ловлю каждый момент.

Оба переживали сказанное и услышанное. Вскоре над ними повисло напряжение, и первой не выдержала Таня.

— Я хочу спать, — с явным раздражением произнесла она. — Я иду уже почти сутки, не имея особой тренировки. Ты-то мужчина, выдержишь дольше. Оставишь меня или умрёшь рядом?

— Никто не умрёт! — не веря в свои слова, закричал Макс. — Если ты сдашься, я понесу тебя на руках, сколько смогу.

— Метров сто выдержишь, не больше, я тяжёлая. — Минутная паника разрядилась смехом. — Я действительно устала, максимум, ещё пару часов, — и она зарыдала.

— А ну-ка, возьми себя в руки, тряпка! Вытри слёзы! Мы выдержим... Идиотка!

Оба замолкли. Но первой снова заговорила Таня:

— Даже в гневе ты не отпустил моей руки, — произнесла она с улыбкой. — Я живу мечтой, — она говорила это как бы в сторону. — Конечно, мы выдержим.

Уже стемнело. Петербург был позади километрах в пятидесяти. Таких марш-бросков никогда в жизни никто из них не совершал.

Они не шли, а плелись, стараясь сохранить силы, чтобы передвигать ноги. Оба отлично понимали, что им ещё и суток не выдержать, не то что неделю.

Для разнообразия решили изменить маршрут и свернули с трассы. Новый путь шёл через лес. Иной раз было бы страшно, но сейчас уже было всё равно.

Из лесной чащи за ними пристально наблюдал волк. Но смотрел он на них не как на шанс насытить свой голодный желудок, а как на бесстрашных, уважаемых воинов, сражающихся до последней капли крови.

Та часть леса, где они проходили, замолкала и начинала снова “болтать”, обсуждая неожиданных гостей, когда люди уходили дальше.

Молодые воины шли, сохраняя молчание. Дорога пошла вверх, к высокому холму. Несмотря на это, они ускорили шаги, как будто у них появилась конкретная цель, и они старались успеть к ней.

На выходе из леса подъём стал ещё круче. Показались просторы лежащих вокруг земель. Проснулся прохладный, усиливающийся с каждым шагом ветер, придавая их телам бодрости и отбивая желание уснуть на ходу.

Ребята сбросили рюкзаки, подозревая, что они им больше не понадобятся. Вот уже из-за холма появилась заря — это поднималось солнышко, оно вот-вот должно было начать новый, такой важный день. Макс, подняв взор, немедленно перешёл на бег, потянув за собой Таню.

— Быстрее, радость моя, быстрее! Мы должны это увидеть, пусть и в последний раз!

Они бежали изо всех сил, ноги вязли в траве и возникало ощущение *замедленного кадра*. Казалось, в это мгновение всё и все на планете и за её пределами смотрели исключительно на них.

Хотелось кричать, рыдать навзрыд. Война чувств, переживаний, боли никого не щадила.

Максим и Татьяна взбежали на самый верх холма, рухнули в изнеможении на колени и зарыдали — то ли от страха, то ли от счастья...

Солнце начинало свой путь к восходу, озаряя лица юноши и девушки. Словно переродившись, они смотрели друг другу в глаза и считали удары сердца, количество которых уменьшалось с каждой секундой.

В это мгновение в их глазах уже не было страха — там воцарилось нечто новое, что им ещё только предстояло узнать. Под нежную мелодию чарующего солнца, под минорные аккорды ветра вокруг них слагалась и звучала новая, совершенная композиция.

И губы их нашли друг друга.

Сердца, которые уже совсем было собирались остановиться, забились снова, с ещё большей жизненной силой, и не собирались больше останавливаться.

Человек, издавек наблюдая за ними в бинокль, напротив строки “Лекарство для излечения патологии” написал слово “ЛЮБОВЬ”.